

Хороший день / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Хороший день / рассказ ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Этот день давно уже прошёл. Но он до мельчайших подробностей врезался в какие-то хранилища памяти, если таковые существуют на свете. Чем уж это вызвано, трудно объяснить, может, потому этот день остался нетронутым и цельным, как ценная картина в дорогой раме, что я тогда был молод и хорош собой, и казалось, мне были по плечу любые высоты.

Этот день был зимним, морозным – казалось, на свете не существует ничего, кроме неба, леса, снега и тихой улочки в конце селения, санной дорожки между домами, по которой четыре раза в день проезжали животноводы. Утром они ехали на ферму, ближе к обеду – обратно, потом делали ещё один круг, и воцарялась тишина. Только бескрайнее небо, кряжи, покрытые лесом и снег кругом. Нет у тебя часов, а тебе и незачем знать время, потому что нет необходимости куда-то ехать, бежать, ты никуда не опаздываешь, тебя никто нигде не ждёт – ты хозяин себе самому.

Я вернулся в свою деревню. Собирался поступить учиться, не поступил, потому что не смог сдать экзамен по английскому. Ну не было у нас в сельской школе учителя английского, вёл как-то историк, да так, что дальше «пли-из» мы не ушли.

Хотел устроиться на работу, не взяли, у меня не было прописки. И на всю зиму я был вычеркнут из всевозможных списков и ведомостей. Не учился, не работал, никто не отмечал проведённые мной в этом мире часы. Я был предоставлен самому себе, и мне казалось, что все дела ещё могут подождать. Да что случится, если я не буду год крутиться в нём мелкой щепкой, никто этого и не заметит. Конечно, мои близкие так не считали, но у меня был такой возраст, когда чьё-то мнение, пусть даже и самых близких тебе людей, волнует меньше всего. Мне было хорошо и спокойно, ничто не тревожило, мать не беспокоилась за меня, ведь я был жив-здоров и рядом с ней – этого

достаточно. Я был молод, и мне казалось, что всё ещё впереди. Часто я не знал, какой сегодня день недели, какое число. Телевизор не показывал – говорили, что где-то произошла авария, и поэтому сигналы, которые должны были поступать, не доходили. То ли мешали горы, то ли ещё что-то, радио уже лет пять как молчало. Я ничуть от этого не страдал, более того мне всё это нравилось.

И я вконец привык ко всему этому, и мне казалось, что человек для того и создан, чтобы жить такой размеренной и тихой жизнью, зимой ждать весенних дней, яркого солнца, осенью ждать утра, замечательного тем, что всё вокруг за ночь покрылось белым снегом. При этом каждый твой день был посвящён какому-то делу, эту работу ты мог выполнить сегодня, или, засыпая, подумать, хорошо бы завтра почистить снег на крыше. Эту работу ты мог сделать завтра, послезавтра, если было настроение.

В череде одинаковых дней запомнился именно этот, остальные канули в прошлое, а вот этот, словно выхваченный из череды дней и ночей, ясно мне помнится до мелочей: какое было небо, солнце, снег. Помнится, каким счастливым я себя чувствовал. Это мое состояние никто со мной не разделял, мама занималась обычными хлопотами, иногда выходила во двор, звала поесть.

А я колол дрова. У спортсменов есть выражение «быть в хорошей форме», так вот я был в хорошей форме, мне нравилось чувствовать себя таковым. Мне нравилось ощущать силу топора, это был не колун, каким раньше обычно колол отец, он был бы тяжёл для меня, а обычный топор, через варежки я чувствовал его изгиб, он хорошо укладывался в моей руке, слушался меня, когда я после взмаха, целясь в центр окружности, опускал его в полено.

Дрова привезли неожиданно, отдала мать какому-то трактористу пол-литра водки: «Ой, уже и забыла». Это уж она так, всё помнила, это точно. Как же – забудет она, что в долг дала водку.

Как-то кладовщик также взял у неё, мол, подкину хороший корм, а привёз гороховую муку, так она после его смерти об этом ещё года три всем рассказывала.

Мы мигом сняли забор с гвоздя и поволокли в сторону,

а тракторист заехал в огород и отцепил от трактора десяток кругляков. Как и кто распиливал, не помню, а вот перед глазами, как сегодня стоит эта поленница, расколотая мной и сверкающая снежной белизной. Я по одному ставил поленья, втыкая в снег, он крошился под ногами, как сахарный песок, потом брал в руки топор и: «Бабах! Бабах!» Весь смак в том, что не надо пока поднимать расколотые чурки, отвлекаться. В руках топор и только: «Бабах!» Пока не останется ни одного полена. Потом аккуратненько на время воткнуть топор, все расколотые дрова, поднять и расставить снова, как оловянных солдатиков. И по кругу: «Бабах! Бабах!» Потом расчистить место для следующей партии.

Мёрзлые поленья звонко стучаются друг об друга и приятно пахнут. Вокруг себя я складировал их и поднял одну стену дров, потом другую.

Я настолько увлекся, что не заметил, как сосед зашёл к нам во двор и, сев на чурку, закурил. Он очень долго молчал, что было даже странно, обычно у него рот не закрывается. Какие только истории он не знает! Глядя на него, никто не скажет, что ему чуток за сорок – волосы седые, зубов нет, ходит с палкой, кашляет как семидесятилетний старик.

Честно говоря, я никого в тот момент не хотел видеть, мне было хорошо одному. Я был занят делом, и это дело доставляло мне радость. Мне достаточно было того, что у меня была работа, а вокруг тишина и покой, и казалось совсем лишним присутствие какого-то человека, хоть и соседа, с которым был знаком с детства. Но он, кряхтя, подошёл и сел на чурбан, положил ногу на ноги в стоптанных валенках и закурил.

Ну сидит человек себе, работать не мешает, пусть сидит.

Он жил со своей матерью, балагур, шутник, за словом в карман не лез, не зря ему дали кличку Комедиант, её заслужить надо. Вот он, мой сосед, был артистом, но на сцену не попал, выступал зимой в гараже, летом в поле, а зрителями были трактористы и водители, и от его баек хватались за животы. Откуда что бралось?

Всегда где он, там – смех.

В молодости он, как все ребята, отслужившие в армии, работал

шофером. Бегал за девушками. По какой-то случайности что первая его любовь, что вторая были из богатых семей. Уж мы то все знали, кто – с кем.

Это только на уроках говорили, мы живем при социализме, где все равны, но бедные и богатые в деревне были всегда. Отец первой его девушки был лесничим, самым богатым после председателя колхоза человеком. Он – хозяин всех лесов и покосов, что может быть лучше. А мать работала учительницей, то есть получала зарплату. А в деревне тот, кому выдают зарплату, – богатый человек.

Деньги – это вам не колхозные трудодни, за них осенью получишь несколько центнеров зерна – кормить скотину. Но колхозники из такого зерна пекут хлеб, потому как другого нет.

Хлеб этот не пропекался, из него можно было лепить как из пластилина, потому что зерно было то ли прелое, то ли недозрелое. А кто имел деньги и транспорт, мог поехать куда-нибудь и купить там хорошую муку.

А родители второй его красавицы, единственной дочери в семье, тоже были не абы кто: мать работала директором школы, а отец – снабженцем в колхозе.

Они свою любимицу пристроили в медицинский институт учиться на врача, так она в первый же год вернулась домой и ходила тенью за Комедиантом. Его мать ночью увидит девушку в ярко-белом плаще в чулане, где он спал летом, и кричит на всю улицу: «Отведи-и-и... Отведи, домой! Откуда привёл, туда и отведи».

А с женой ему не повезло, оказалась пьющая. Красивая, но пьющая. Убегает из дома – бежит, на ходу кофту застегивает, оборачивается назад, не видит ли кто.

Дурак, что женился на такой. А вот с дочерьми повезло, нормальные девчонки.

А с сыновьями снова не повезло, говорили, они попали в дурную компанию в городе.

Не случайно моей маме город представлялся огромным силком, расставленным для простачков вроде меня.

Комедиант даже сходил в военкомат, мол, заберите в армию пацанов, может, толк выйдет, а ему сказали: дураков не берём.

Оказалось, какие-то темные пятна у них в головах. Рентген показал.

Он жил один, работал в складе сторожем. Потом этот случай криминальный – потерялся завскладом, искали его всей деревней, долго искали, но не нашли.

Забрали Комедианта. Кого-то же надо. Работу показать.

Думаете, он просто так вышел на улицу и сел на чурке возле меня и закурил, поставив ногу за ногу? Да нет, ему нужно, чтобы его кто-то слушал. Мать уже устала каждый день слушать одно и то же. А мне ничего, пусть говорит. Он ждёт, когда я закончу колоть и стану складывать, вот тогда-то в тишине он начнёт рассказывать. Всё, я воткнул топор и начал собирать чурки. Он как бы издалека, сосредоточенно оглядывая мое лицо, начал:

– Их, оказывается, тоже учат, как бить-то. Ментов этих. Ментов-то учат, а вот нас нет. Нас-то ничего, ничего нас-то. Вот они, чтобы синяков не было, значит.

Видно, чтобы не было, на тебя шубу надевают. Вшивую шубу – на тебя и бьют.

И бьют. На ногах ещё стоишь – ничего. Ничего еще, когда стоишь-то. Лицо закрываешь, а они тебя как мешок. Туда-суда... Туда-суда... Друг – другу. И лупят. Лупят.

Лупят. Кулаками-то. И тебя – туда-суда. Кулаками-то. Вот тут-то надо стараться.

Надо дольше – на ногах-то. Держаться надо дольше. Грудь, лицо – хрен с ним. Без зубов, конечно, тоже мало хорошего, но вставить можно. Да вот некогда вставить-то. Ходишь беззубый. Ха-ха-ха... – помолчал немного, испугавшись, что я начну снова колоть, а он не успеет выговорить, быстро продолжает: – Не смешно. Плохо, сосед, когда падаешь. Падать-то плохо. Тут-то – сапогами. А сапоги-то у них о-хо-хо. – Он качает ногой в штопаных валенках. – Почки и печень не вставишь, это тебе не зубы. Не зубы, – мотает головой. – Так что лучше к ним не попадать.

Комедианту и не нужно, чтобы ты поддержал разговор, главное, не перебивай и делай свою работу. Я снова на хрустящий снег ставлю полена, беру топор и: «Бабах! Бабах!» Знаю, что удар

должен быть хлестким и точным. Возьмешь с краю, не расколешь, срежешь лучинку, да ещё по ногам можешь дать. Поэтому я ноги держу на ширине плеч, как учили раньше по радио: «Начинаем утреннюю зарядку, ноги держим на ширине плеч. Раз-два-три!»

Всё, первая партия готова, теперь я снова поднимаю и ставлю уже наполовину расколотые. Пользуясь моментом, Комедиант продолжает:

– Признавайся, кричат. А я не признаюсь. А в чём мне признаваться? Ну на фиг мне убивать завсклада? Что плохого он мне сделал? Ничего. Отца моего не убил, сестру не насильничал. На работу вот взял. Мы с ним вот так жили.

Краем глаза я замечаю его большой палец с прокуренным ногтем.

– Пили вместе. Убивать зачем? Ты же знаешь! Я мухи не трону, – молчит, задумался, чувствуя, что загибает. – Жену бил! – Успокоился, что уже не врет. – Так за дело.

Увидев, что я снова беру в руки топор, он закуривает бычок и замолкает. Наскоро справившись и с этой партией, я расчищаю площадку, складываю новую поленницу. Через недельки две все дрова я перетаскаю во двор, но пока они постоят здесь, обсохнут.

– Нашли же они его. Пока меня обрабатывали, нашли в леднике. Спустили его сверху и поставили на колени. А ведь их тоже допрашивали. Ни гу-гу. А ведь убили из-за «КамАЗа» зерна. Не поделили. Те хотели как всегда. А тут, не вышло.

Но они же все – путёвые, у всех – семьи. А я – алкаш, жена, сыновья непутевые, можно всё валить... – Молчит и вдруг выкидывает вперед «кукиш»: – Накось выкуси. Все равно у них ничего не вышло. А то нашли крайнего.

Честно говоря, мне одному работалось бы лучше, но я в тот момент рядом с соседом чувствовал себя таким сильным, на вершине физических сил, а он казался мне таким ущербным и несчастным, что не стоило даже обращать на него внимания. Ну сидит себе, пусть говорит. Я, прижав к животу, таскал толстые чурбаны на расчищенную площадку.

– Но, если бы не Данияр, меня бы они доконали, это точно. Как бы мне вышел. У него же связи. Столько лет начальство лечит. Он забрал оттуда и прямым ходом к себе в отделение,

а менты-то – в штаны. В штаны менты-то! Ха-ха-ха!

Не знали, что у меня такой племяш. Прибежали засранцы. Давай уладим. А вот вам! – Снова «кукиш» тыкается в пустоту, аккуратно в сторону пруда, как будто там выстроилась вся полиция. – Дело открыли. Веришь, нет. Вот на суд повестку прислали, свидетелем пойду. А мне вот группу хотят дать. Всё отбили, всё нутро отбили, гады. Гады эти менты.

Я заканчивал работу, передо мной были расставлены последние поленья. Я играючи поднял топор и с размаху опустил прямо в центр: «Бабах! Бабах!»

Ровные части враз ложились в обе стороны.

Это был чудесный день, зима и морозец такой, что самый раз колоть, не омрачил его и сбивчивый рассказ соседа, комедианта деревенского. Он поведал о том, что его сверлило, и остался доволен. Теперь сидел и докуривал. Никуда не торопился. А куда ему торопиться? Свое он уже отработал. Скоро пенсию ему оформят. Племянник в райцентре врачом работает. Мальчиком вечно у них околачивался. В семье рос один, мать – на ферме, а со старой бабкой со скуки умрешь, вот он и пасся тут, с пацанами.

Я сложил последние дровишки и сел на толстый чурбан, который я решил расколоть завтра, таких набиралось штук пять, без колуна с ними было не справиться. Вот я и сел, и глянул на небо, казалось, что с того момента, когда я начал колоть, не прошло и полчаса, а уже смеркалось. Небо за горой чуть-чуть алело, верхушки деревьев тоже окрасились в розовое, с труб тоненькой лентой поднимался радужный дымок.

Комедиант – сосед мой, рано состарившийся, тоже замолчал. По нему было видно, что он тоже остался доволен, что сумел рассказать о том, о чём он не мог молчать. Хоть ментов этих поругал, грозился, кукишем в воздух потыкал.

– Ты, вспотевший. Давай не сиди. Топай домой, а то простынешь. Комедиант взял свою палку, и по-стариковски заложив руку за спину, пошёл к себе. А мне не хотелось идти никуда, так бы сидел и сидел. Скоро на небе появятся звезды, они будут издали подмигивать. Но сосед был прав, меня начало знобить, и я поднялся и в два шага догнал его. Он посмотрел на меня

и вздохнул:

– Хорошо тебе.

А мне и вправду было хорошо. Плечи немножко поламывало, но это было даже приятно.

Сейчас я зайду домой, мать поставит передо мной большую сковороду блинов, похожих на желтки яиц, их я буду макать в растопленное масло, тоже жёлтое, и есть. А запивать буду чаем с молоком.

Опубликовано в Бельские просторы №5, 2020. Некаýalar